

• СТАТЬИ •

УДК 94

ББК 63.3

DOI DOI 10.25797/NG.2021.12.4.001

В. М. Рычка

«ОЛЕГОВ ЩИТ»

Аннотация: Статья посвящена походу Вещего Олега на Константинополь и спорному вопросу об «Олеговом щите». Автор приходит к выводу, что поход носил мирный характер, а щит, повешенный князем на ворота города, символизировал готовность Олега защищать Константинополь вместе с его обитателями. Автор анализирует русские и украинские позднесредневековые источники, в которых этот поход изображен как военный и победоносный для Руси, упоминание польским хронистом М. Стрыйковским изображения наподобие московского герба на Галатских воротах Константинополя, русскую литературу Нового времени, в которой поход Олега также представлен как военное предприятие, а щит на воротах побежденной иноземной столицы – символ победы Руси. Автор показывает, как подобные представления о походе Олега и его щите на воротах Константинополя во времена Российской империи служили основанием необходимости обретения Россией Константинополя.

Ключевые слова: Олег Вещий, Константинополь, Поход Олега на

Константинополь, Густынская летопись, Мацей Стрыйковский, А. С. Пушкин.

Одним из ярких эпизодов летописного повествования о походе Вещего Олега на Византию является хрестоматийный рассказ *Повести временных лет* о вывешивании им своего щита на воротах Царьграда. После заключения мирного соглашения с византийскими императорами, отправляясь в обратный путь, Олег, по свидетельству летописца, «... повѣси щит свои въ вратех показуа побѣду»¹. Вывешивание щитов победителей на главных воротах занятого ими города было на Руси, по мнению Д. С. Лихачева, «знаком победы, при этом связанным с каким-либо ритуалом»². М. Б.

¹Лаврентьевская летопись Вып. 1: Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. М., 1962. Стб. 32. В других летописных списках – «И повѣсиша щиты своя въ вратехъ показующе побѣду». См.: The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Edited and Collated Donald Ostrowski, with David J. Birnbaum and Horace G. Lunt [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. Part 1]. 2003. P. 183.

²Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е

Свердловым было отмечено, что щит в Древней Руси, «наряду с мечом и копьем, приобрел значение победоносного государственного военного символа»³. Его социальные и коммуникативные функции воплощались в практике определенных жестов и ритуалов.

Средневековая культура была культурой жестов. «Все существенные соглашения и клятвы в средневековом обществе, – отмечал Жак Ле Гофф, – сопровождалась жестами и воплощались в них... Жест уведомлял и обозначал позицию»⁴. Примечательно, что свою победу завоеватель Царьграда символически обозначает не ударом меча или вонзанием копья в мистическое тело города⁵, а вывешивает на воротах свой щит. Тем самым Олег предельно ясно обозначил свою позицию. Он, надо полагать, вывесил на обозрение не свой боевой щит, а так называемый «щит мира»⁶, дарующий городу охрану и защиту.

изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 2007. С. 419.

³Свердлов М. Б. Дополнения // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. С. 603.

⁴Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М., 1992. С. 333.

⁵Этот мотив надругательства над городом, его беззащитности был весьма популярным в средневековой литературе. (См.: Ричка В. «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). К., 2005. С. 112-116).

⁶Средневековая практика вывешивания таких «щитов мира» (Fridskioldr) известна по данным древнескандинавских саг (см.: Сага о Фритьофе Смелом // Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. СПб., 1898. С. 894; Стрингольм А. Походы викингов. СПб., 2003). Поэтому курьезной представляется точка зрения Г. И. Магнера, пытавшегося обосновать, что Олег вывесил на воротах Константинополя не боевой щит, а щит-доску с написанным на ней текстом русско-византийского соглашения. (См.: Магнер Г. И. Щит Олега на воротах Константинополя // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 2. Ижевск, 2009. С. 119-129). Ср. предположение А. Ю. Чернова о том, что щит Олега являлся его материализованным именем (Чернов А. Олег и его щит // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012. С. 60-68). Давно замечено, что всякая материальная вещь,

В воинском сообществе средневековья щиты были в особом почете. Независимо от своего прямого назначения они употреблялись в разных случаях. Викинги, например, на щите относили убитого к месту погребения. Щит выполнял и другие коммуникативные функции: «удар в щит означал вызов на брань; поднятые щиты служили войску вместо знамен для отличия отрядов. Красный, таким образом, несомый щит был вестником войны; напротив, белым выражалось требование мира»⁷. Мы, наверное, никогда не узнаем, какой формы и цвета был Олегов щит, но едва ли усомнимся в достоверности, подтвержденной средневековой воинской практикой⁸ его вывешивания Олегом на городских воротах Константинополя.

Вывесив свой щит на воротах Царьграда, киевский князь тем самым давал знать о готовности вступить в мирные переговоры с Греками. И. Н. Данилевский полагает, что вывешивание Олегом щита было знаком того, что он принимает Святой Город под свое покровительство, «показуя победу». Ведь древнерусское слово «победа», обосновывает исследователь, несло в себе более широкий спектр значений, чем современное (производным от него, в частности, является «победница», то есть заступница)⁹. Ученый обратил внимание на то, что древнерусское слово «щитити», «щичу» означает защиту: «Азь есмь о тебѣ

попавшая в фокус человеческого мышления, одухотворяется.

⁷Фритьоф. Скандинавский витязь. Поэма Тегнера. Предварительные сведения (очерк быта, религии и поэзии древних скандинавов) // Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. Т. 1. СПб., 1898. С. 736.

⁸«Норманские храбрецы, – отмечал в свое время Н. М. Карамзин, – выставляли иногда щиты на городских воротах в знак мира: чем ютландские короли, Готфрид и Сигфрид, в 882 году обманули воинов императора Карла Тучного, заманив их безоружных в крепость свою и взяв в полон» (Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 1. М., 1989. С. 258).

⁹Подробнее см.: Данилевский И. Н. 1) Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей: Человек в истории, 1998. М., 1999. С. 143-144; 2) Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 152-157.

щитя и азъ помощникъ тебѣ»¹⁰. Воспевая былое величие Тира – «корону красоты», пророк Иезекииль упоминает, что персы, лидиянины и ливийцы были в его войске ратниками и вешали на стены города, придаваемые ему величие, щиты и шлемы: «Перс и Лидиянин и Ливиец находились в войске твоём и были у тебя ратниками, вешали на тебе щит и шлем; они придавали тебе величие» (Иезек. 27, 10).

Предложенное И. Н. Данилевским сопоставление щита/щитов Олега со щитами воинов, повешенными, по свидетельству пророка Иезекииля, на стены Тира, автор недавней монографии об Олеге Вещем – Е. Д. Пчелов не счел убедительным. Оспаривая такое символическое прочтение этого летописного сюжета, он в то же время признает, что вывешивание Олегом щита на воротах Царьграда – это знак победы: «хотя город и не был захвачен, но Олег, бесспорно, мог считать себя победителем, принудив византийцев к миру и получив богатый выкуп»¹¹. При этом исследователю осталась незамеченной семантическая двуплановость роли Олегова щита. Водруженный на городские ворота, он сигнализировал о перемирии (переговорном процессе) между враждующими сторонами. После завершения мирных переговоров, тянувшихся в течение довольно длительного, надо полагать, времени, и заключения выгодного для Руси договора «Олегов щит» был осмыслен как ее триумф у стен Царьграда.

Таким образом, есть основания согласиться с высказанным ранее мнением о том, что Олег искал не войны с Византией, а мира: «вешая свои щиты на башнях Константинополя, “русы” объявляли о готовности отныне защищать этот город вместе с его обитателями. Если вспомнить, что вскоре в византийской столице появляются отряды “русов” (морская экспедиция на Крит 911–912 гг.), а сами греки наименовали Олега “святым Дмитрием”, то подобное утверждение вряд

ли покажется слишком смелым»¹². Заключение мирного соглашения с Византией стало своеобразным «дипломатическим признанием» Руси, что было для нее столь желанной честью.

Под стены Царьграда Олег пришел жестоким захватчиком-язычником (вспомним бесчинства, творимые его воинами в окрестностях Константинополя, столь красочно описанные в летописи), а обернулся защитником христианской столицы. Это парадоксальное, на первый взгляд, превращение проясняет предложенное И. Н. Данилевским прочтение летописного рассказа о походе Олега на Константинополь в эсхатологическом контексте: «христианская столица сдалась, когда неприятельский флот «переплыл сушу», но люди от «рода Русаго» взяли Город – до «последнего времени» – под свою защиту»¹³.

Сакральный образ Вещего Олега формировался на Руси не столько в языческой, сколько в христианско-книжной среде. Увенчанный славой победоносного похода на Царьград, Олег виделся составителю *Повести временных лет* демиургом древнерусской государственности. Только язычество Олега, следует полагать, удержало летописца назвать его *Мудрым*, поэтому он избрал тождественное по семантике¹⁴, но для христианской аудитории вполне нейтральное имя *Вещего* Олега.

Византийский поход Олега, покорение Константинополя и в особенности

¹²Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифология и факты. М., 2001. С. 180. Это мнение находит все более широкую поддержку среди современных ученых. Например, А. А. Роменскому поход Олега на Византию представляется «не враждебной, а дружественной акцией, вызванной стремлением поступить на военную службу к василевсу ромеев» (См.: *Роменский А. А. Поход Олега на Константинополь: причины, ход событий, хронология // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). М., 2017. С. 113-114.*

¹³Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. С. 158.

¹⁴См.: Никитина С. Е. Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) // *Славянские этюды / Сб. научных статей к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 298-304.*

¹⁰Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 1609.

¹¹Пчелов Е. В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., 2018. С. 83-84.

«вывешивание» им своего щита на воротах Царствующего града отозвалось долгим и многоголосым эхом в исторической и поэтической памяти православных славян. Наши современники помнят этот эпизод преимущественно в поэтической огранке пера Александра Пушкина:

Победой прославлено имя твое:
Твой щит на вратах Царьграда:
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

Чары повествования летописца о вывешивании Олегом своего щита на вратах Царьграда оказались настолько сильными, что в средневековой письменности и в литературе Нового времени прочно укоренилось мнение, согласно которому этот поступок был знаковым выражением победы русского князя и унижительной капитуляции Царьграда. Припоминания о победоносном походе Олега на Византию содержатся во многих летописных компиляциях XVI–XVII вв. Например, в одной из них, составленной московскими книжниками, где повествуется о подготовке Владимира Мономаха к походу на Царьград, последнему приписываются следующие слова:

«Великий князь Владимир Всеволодович нача советовати со князми своими и с бояры, хотя идти на Царьград, глаголя: “егда аз есмь юнейший прежь мене державствовавших и хоругви правящих скипетра великия Россия, яко той великий князь Олег ходил на Царьград и дань велику на вся воя своя взял и здрав возвратися... а мы есмы Божию милостию настолницы прародителей своих”»¹⁵.

Эта же литературная зарисовка была использована в оформлении царского молебного места в Успенском соборе Московского кремля. Так называемый трон Мономаха был установлен в сентябре 1551 г. в Успенском соборе Московского Кремля для первого русского царя Ивана Грозного. Это кубовидное сооружение украшали четыре барельефные панно, монументальные композиции которых воспроизводят эпизоды

военного похода Владимира Мономаха на Византию, его победу во Фракии над войсками византийского императора Константина Мономаха и передачу последним (несмотря на то, что тот умер за 58 лет до восхождения Владимира Всеволодовича на киевский престол) киевскому князю царских регалий. На левой двери этого здания была вырезана следующая надпись:

«В лѣто 6496, а от великаго и блаженнаго князя Володимира четвертое колѣно правнука его, князь великий Владимиръ Всеволодовичъ Манамахъ, той убо царь и Манамахъ прозвася от таковыя вины. Егда на великомъ княжении сѣде в Киевѣ, совѣтъ творяше съ князьями своими, и боляры и вельможами, глаголя: “Егда азъ есмь юнѣишии прежде мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великия Россия, яко же великий князь Олегъ ходил и взялъ съ Цариграда велию дань на вся воя своя, и здравъ възратися восвоаси, и потомъ князь великий Всеславъ Игоревичъ ходилъ и взялъ на Константинѣ градѣ тяжчаишую дань, а мы есмы Божию милостию настолницы прародителии своих и отца моего великаго князя всеволода Ярославича и наслѣдницы тоя же чести от Бога сподоблени. Нынѣ убо съвѣта ищу о васъ, мога полаты князеи, и боляръ, и воеводъ, и всего над вами христорлюбиваго воинства. Да превознесетъ имя святыя и живоначальныя Троицы вашеа храбрости мугутствомъ Божию волею с нанашимъ повелѣниемъ”. Отвещаста же великому князю Владимиру Всеволодичю князи, и боляре, и воеводы его, рѣша: “сердце царево в руцѣ Божии, яко же писано естъ, а мы есмы в твоеи воли, господаря нашего по Бозѣ”. Великий князь Владимиръ собирает воеводы благоискусныя и многоразумныя и поставляет чиноначальники над различными воинствы – тысящники, и сотники, и пятдесятники над различными борения, и съвокупи многия тысящя воинства, и отпусти ихъ Фракию Царяграда области, и плѣннищя ихъ доволно, и возвратишя съ

¹⁵Попов А. Изборник статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 21-23.

многимъ богатствомъ во мнозѣ здравии восвояси»¹⁶.

В украинской исторической мысли начала XVII в. также появляются мотивы славного киевского прошлого. Его наследниками становятся тогдашние защитники *руської веры* – казаки. Рукоположенный в сан киевского митрополита в 1620 г. бывший ректор братской школы Иов Борецкий в своей «Протестации» по поводу восстановления православной митрополии называл их племенем «славного народа Руского, из семени Иафета, что воевало Греческое царство морем Черным и сухопутью. Это из того поколения войско, которое в правление *Олега*, монарха руского, в своих моносилах по морю и по земле (приделав к лодкам колеса) плавало и Константинополь штурмовало. Это они при Владимире святом монархе руском воевали Грецию, Македонию, Илирик»¹⁷.

Не обошел своим вниманием эту тему и архимандрит Киево-Печерской лавры Захария Копыстенский. В созданной им в 1625 г. *Палинодии* церковный писатель напоминал своим читателям:

«Не уставали наши предкове на Грецки валчити моремъ Чернымъ и землею. Олег, сильный монарха Роскій, дивной делности зажилъ: же, половицу чолновъ на сушу вытягнувши, колеса подъ ныхъ приправиль, и парусы распустивши за ветромъ погожимъ, одни моремъ, а други по земли подъ муры Царигородский поплыли и штурмовали на город»¹⁸.

¹⁶Соколова И. М. Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001. С. 61-63, 65-66.

¹⁷Цит. по изд.: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 11 т. 12 кн. [Репринтне издание]. Т. 7: Козацькі часи до року 1625. К., 1995. С. 391-392. Публикация этого памятника П. Жуковичем сделана в 1910 г.: Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. // Статьи по славяноведению. Т. 3. СПб., 1910. С. 149-150.

¹⁸*Копыстенский З.* Палинодия // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою ахеографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1878. Стб. 1106.

Составленная между 1624–1627 гг., вероятно, этим же автором¹⁹ *Густынская летопись* также демонстрирует большой интерес к походам киевских князей на Византию. Не ограничиваясь лапидарным сообщением, помещенным под 1114 годом, о смерти переяславского князя Святослава Владимировича и посажении на его место другого сына Владимира Мономаха – Ярополка, составитель этого летописного произведения посчитал уместным вставить здесь следующую зарисовку:

«В се лѣто Володимырь, собравъ вся бояры своя и старцы и рече имъ: “Еда азъ меньшый есмь от прежде мене бывших государей и правящих скиптра великаго княжения Руского, иже проходиша многия страны и землѣ и оттуду со великою славою и користию возвращахуся, якоже Олег, Игорь и Святославъ, паче же великий во державных князехъ Владымеръ, дѣдъ мой, иже потрясе вселенную и Греческою землею, и оттуда великия користи и славу землѣ нашей руской приобрѣте. Сего ради и азъ хочу путемъ отецъ и дѣдъ моих ходити, си есть хочу во Греческую землю пойти и славу роду нашему добыти”. И то слышавшее, бояре и старцы всѣ любовнѣ изволиша ити во Греческую землю, иже и вскорѣ пригатовившееся, пойдоша ко Цариграду»²⁰.

Отсутствующий в раннем киевском летописании, этот рассказ демонстрирует повышенный интерес украинских книжников-историографов к эпохе славного киево-русского прошлого.

В созданном в Киеве в начале 70-х гг. XVII в. первом печатном сочинении по восточноевропейской истории – *Синописе*, авторство которого приписывается профессору Киево-Могилянской коллегии,

¹⁹См.: *Толочко О. П.* 1) Де було написано Густинський літопис ? // Історичний збірник: Історія, історіософія, джерелознавство. К., 1996. С. 9-16; 2) Текстологічні спостереження над збірниками, що містять Густинський літопис (До питання про реконструкцію архетипу) // Український археографічний щорічник. Вип. 3/4. 1999. С. 161-163.

²⁰*Густынская летопись* // ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 74. *The Hustynja Chronicle. Compiled with an Introduction by Oleksiy Tolochko* (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. XI). Harvard, 2013. P. 186.

позже архимандриту Печерского монастыря Иннокентию Гизелю, утверждается, что с правления Олега «тоя ради вины, и потом его времени Греки дань даяху Российским Княземъ»²¹. От Игоря Рюриковича и Олега Вещего автор выводит родство современных ему «князей Московских».

Присутствие русского щита на воротах Царьграда будоражило воображение и западнославянских книжников, вдохновляя их на поиски его следов. Так, польский историограф Мацей Стрыйковский, который в составе посольства А. Тарновского в 1574–1575 гг. посетил Османскую империю, утверждал, что видел в Стамбуле на Галатских воротах подобный герб или щит с изображением всадника наподобие московской погони:

“A ten podobno herb albo scit, między inszymi dawnościami, tym kształtem jakiego dziś Moskiewski używa, jam sam tymi własnymi oczyma widział roku 1575, nad bramą Galatską przeciw Konstatinopolowi, po staroświecku malowany, wioząc się w bacie prosto od haków szubienice Wiśniewieckiego pod mury Galatские, gdzie kletki drewniane stoja, ale tę brame teras zabudowano, tylko przedsię herb, na kształt Moskiewskiej pogoniej malowany, dobre znać”.

(«А этот герб, или же щит среди других древностей, того вида, который ныне Московский [государь] использует, я сам своими глазами видел в 1575 году над Галатскими воротами напротив Константинополя, старинной работы, плывя в барке от крючьев виселицы Вишневецкого к Галатской стене, где стоят деревянные клетки, хотя эти ворота сейчас замуровали, но хорошо заметен нарисованный герб того же вида, что и Московская погоня»)²².

В другом месте этого сочинения (список из коллекции Н. М. Карамзина) Стрыйковский добавляет, что под этим «гербом» находится греческий текст, в котором описываются славные дела

Владимира Святого²³. В этих свидетельствах очевидца – ученого польского хрониста восточнославянская элита видела волнующее присутствие Руси/России на берегах Босфора.

В задуманной и изготовленной в царствование Екатерины II серии медалей, посвященных событиям ранней русской истории, широко представлена тема похода Олега на Византию. В ознаменование этого события было отчеканено пять медалей: «В память похода Олега в Грецию», «На взятие многих греческих городов», «В память штурма Олегом Константинополя», «На заключение мира с Греками» и «На сидение Олега с греческим императором»²⁴. В екатерининскую (и не только) эпоху тема русского присутствия на Босфоре была весьма актуальной. В XVIII в. возникали проекты завоевания Константинополя. Они актуализировались в правление Анны Иоанновны во время турецкой кампании 1736–1739 гг. и особенно при Екатерине II, планировавшей основать Греческую империю, которой должен управлять из Царьграда ее внук Константин. Неподалеку от своего дворца в Царском Селе Екатерина II возводит город под названием София, который, по версии английского посла Дж. Гарриса, «будет называться Константинополем». Украшением Софии стала церковь Софии Премудрости, где хранились православные византийские святыни – часть древа животворящего Креста, чудотворная икона Пресвятой Богородицы, вывезенная с острова Родос, и десница Иоанна Крестителя²⁵.

Популярные в общественно-политической мысли России XVIII в. припоминания «покорения Царьграда» Олегом, прославление его как героя и

²³См.: Карамзин Н. Н. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 1. С. 258.

²⁴Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб., 1908; Гаврилова Л. М. Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб., 2000.

²⁵Полное собрание исторических сведений о всех в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. М., 1852. С. 489.

²¹Sinopsis. Kiev, 1681. Facsimile mit einer Einleitung von H. Rothe. Köln–Wien, 1983. S. 171 (Л. 16).

²²Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wsystkiej Rusi. Cz. III. Warszawa, 1846. S. 116.

победителя Греческой империи актуализировались в начале XIX в. благодаря, не в последнюю очередь, опубликованной в 1802 г. в «Вестнике Европы» (№ 24) статье Н. М. Карамзина «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». По мнению авторитетного историографа, «Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художника. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к царьградским воротам, в глазах греческих вельмож и храбрых его товарищей, которые смотрят на сей щит как на верную цель своих будущих подвигов. В эту минуту Олег мог спросить: «Кто более и славнее меня на свете?»²⁶. В 1839 году Федор Бруни воплотил этот художественный замысел. Он создал замечательную гравюру «Князь Олег прибывает щит свой к воротам Царьграда», хранящуюся ныне в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург). Эта работа выполнена по заказу Общества Поощрения Художников для альбома «Очерки событий из русской истории, сочиненные и гравированные профессором живописи Ф. Бруни».

Олегов щит на Царьгородских воротах будоражил воображение не одного поколения российских литераторов, вдохновляя их на создание многочисленных поэтических вариаций на эту тему. В 1822 г. К. Ф. Рылеевым была опубликована дума «Олег Вещий». Знаменитыми стали ее строки, прославляющие киевского князя, который

... в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.²⁷

Вслед за Рылеевым в 1826 г. Н. М. Языков, принимая пушкинскую поправку²⁸ к

стихотворению Рылеева, воспел Олегов щит, прибитый, по летописному преданию, к воротам Царьграда:

...как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий
поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги под грохотом вод
По высям днепровского брега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил
И прыгали челны чрез волны;
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам, с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани²⁹

Припоминания победоносного похода Олега на Царьград приобрели особую актуальность во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Адрианопольский мир, завершивший эту войну, был заключен в занятом русскими войсками Эдирне неподалеку от Стамбула 14/2 сентября 1829 г. Того же дня в 911 году был заключен русско-византийский мирный договор Олегом. Это совпадение обострило патриотические чувства, придав воспоминаниям о древнерусском победителе Царьграда терпкого аромата злободневности. В августе 1829 г. было опубликовано стихотворение Ф. И. Тютчева «Олегов щит»³⁰. В сентябре того же года стихотворение с таким названием написал А. С. Пушкин:

²⁸Пушкин неоднократно высказывал свое несогласие с автором, справедливо отмечая, что во времена Олега Россия не имела еще герба, поэтому изображение св. Георгия не могло находиться на щите язычника Олега.

²⁹Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988.

³⁰Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Том первый: Стихотворения 1813–1849. М., 2002. С. 71.

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.
Настали дни вражды кровавой,
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

Впервые это произведение было опубликовано в петербургском Альманахе «Северные цветы» на 1830 год. В том же году М. Ю. Лермонтов начал писать свою поэму «Олег»³¹. Несомненно, что замысел этой поэмы возник у Лермонтова в связи с военными действиями России против Турции на Балканах. Осенью 1829 г. русская армия начала приближаться к Стамбулу/Константинополю, что, очевидно, и вдохновило поэта припомнить Олегов «разрушительный набег» на Царьград:

Он всем соседям страшен был:
Пред ним дрожали печенеги,
С ним от Каспийских берегов
Казары дружества искали,
Его дружины побеждали
Свирепых жителей дубров;
И он искал на греков мести,
Презреньем гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой вести...
Но что замедлил князь Олег
Свой разрушительный набег?..

В 1858 г. была опубликована драматическая пародия Константина Аксакова (1817–1860) «Олег под

Константинополем»³², написанная им еще в студенческие годы (между 1835 и 1839 гг.) Автор вкладывает в уста некоего волхва следующий совет киевскому князю:

Твой щит, о мой властитель,
Известен всем. Из серебра он слит,
Вокруг него обвит из злата обруч,
А на щите художник исчеканил
Различные деяния людские.
Известен всем далекий звон его;
На зов его стекаются народы;
Ты на руке несешь его пред ними,
Их предводи в сраженьях роковых.
Итак, сей щит к воротам Цареграда
Прибей, Олег! Я мыслю: заменит
Такое знаменье твоих деяний
И взятие и разоренье града, –
Бессмертен ты тогда.

Олег внимлет совету волхва. Прежде чем прикрепить щит, он произносит у ворот следующую речь:

Внимайте мне, о верные мои,
Бесстрашные народы! С ваших стен
Внимайте, греки, речи государя!
Мой Цареград! Я взять его могу –
И не хочу! Но в память дел кровавых,
Что Цареград в моей был полной
власти,
Что мой шатер раскинут был у стен,
Моей победы совершенной в память,
Я прибываю щит свой знаменитый
К высококим цареградским воротам!
Пускай отсель, щитом моим
прикрытый,
Смеется он и бурям и врагам!
Пусть в нем с сих пор гремят победы
клики:
На нем мой щит красуется великий!
Ликуйте же и радуйтесь, друзья!
Царьград неодолимый покорил я,
Свой грозный щит к его вратам
прибил я!
Мечта сбылась! Теперь бессмертен я!

³¹См.: Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах / Изд. второе, исправленное и дополненное. Т. 2. Л., 1980. С. 51-54.

³²Аксаков К. С. Олег под Константинополем, драматическая пародия, с эпилогом, в 3-х действиях, в стихах / соч. К. С. Аксакова. СПб., 1858.

Это студенческое произведение К. С. Аксакова было своеобразной реакцией молодого автора на исторический скептицизм профессора Михаила Каченовского, ставившего под сомнение достоверность большинства летописных преданий. «Исторический скептицизм Каченовского, – вспоминал позже К. С. Аксаков, – нашел сильное сочувствие во всех нас... Я тоже был увлечен. На третьем курсе начал я писать пародию «Олег под Константинополем», где утрировал мнение, противоположное Каченовскому. Только впоследствии увидел я всю несостоятельность нашего исторического скептицизма»³³.

Манящий зов Царьграда пронизывал общественно-политическую мысль России XIX – начала XX веков. По убеждению многих тогдашних мыслителей, ученых и литераторов, овладение им – грядущий путь России. К этому призывал, например, Тютчев:

Вставай же, Русь!
Уж близок час!
Вставай, христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Константинополь в представлениях поэта и дипломата является такой же столицей России, как Москва и Санкт-Петербург: «Москва и Град Петров, и Константинов Град – вот царства Русского заветные столицы»³⁴. Стремление к освобождению/завоеванию Царьграда с течением времени превратилось в национальную «навязчивую идею», овладевавшую умами в эпохи кризисов и катастроф³⁵. Обострившись во время Первой мировой войны и революционных потрясений, сотрясавших Россию в 1914–1917 гг., она снова актуализировала припоминания Олегова щита на вратах Царьграда:

³³Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов. СПб., 1911. С. 24.

³⁴Тютчев Ф. И. Русская география // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Том первый: Стихотворения 1813–1849. С. 200.

³⁵Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 175.

Олег повесил щит на медные ворота
Столицы цезарей ромейских, и с тех
пор

Олегова щита нам светит позолота,
И манит нас к себе на дремлющий
Босфор.

В этих поэтических строках пера Федора Сологуба, написанных им еще в марте 1890 года³⁶, отозвались чаяния многих его современников, видевших государственно-историческое благополучие России в обретении Константинополя.

³⁶См.: Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм в трех томах. Том первый: Стихотворения и поэмы 1877–1892 / Изд. подготовила М. М. Павлова. СПб., 2012. С. 485, 1138.

Библиография

Источники

Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. // Статьи по славяноведению. Т. 3. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.

Сага о Фритьофе Смелом // Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. СПб., 1898. С. 894.

Sinopsis. Kiev, 1681. Facsimile mit einer Einleitung von H. Rothe. Köln–Wien, 1983.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wsystkiej Rusi. Cz. III. Warszawa, 1846.

The Hustynja Chronicle. Compiled with an Introduction by Oleksiy Tolochko (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. XI). Harvard, 2013.

The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Edited and Collated Donald Ostrowski, with David J. Birnbaum and Horace G. Lunt // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. Part 1. 2003.

Литература:

Аксаков К. С. Олег под Константинополем, драматическая пародия, с эпилогом, в 3-х действиях, в стихах / соч. К. С. Аксакова. СПб., 1858.

Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов. СПб., 1911.

Гаврилова Л. М. Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб., 2000.

Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 11 т. 12 кн. [Репринтне издание]. Т. 7: Козацькі часи до року 1625. К., 1995.

Данилевский И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей: Человек в истории, 1998. М., 1999.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

Карамзин Н. М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN // Карамзин Н. М. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / Сост. Г. П. Макогоненко. М., 1984.

Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 1. М., 1989.

Копыстенский З. Палинодия // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою ахеографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1878.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М., 1992.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах / Изд. второе, исправленное и дополненное. Т. 2. Л., 1980.

Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 2007.

Магнер Г. И. Щит Олега на воротах Константинополя // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 2. Ижевск, 2009.

Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.

Никитина С. Е. Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) // Славянские этюды / Сб. научных статей к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.

Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Полное собрание исторических сведений о всех в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. М., 1852.

Попов А. Изборник статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

- Пчелов Е. В.* Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., 2018.
- Ричка В.* «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). К., 2005.
- Роменский А. А.* Поход Олега на Константинополь: причины, ход событий, хронология // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). М., 2017.
- Рылеев К. Ф.* Думы / Изд. подготовил Л. Г. Фризман. М., 1975.
- Свердлов М. Б.* Дополнения // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 2007.
- Смирнов В. П.* Описание русских медалей. СПб., 1908.
- Соколова И. М.* Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001.
- Сологуб Ф.* Полное собрание стихотворений и поэм в трех томах. Том первый: Стихотворения и поэмы 1877–1892 / Изд. подготовила М. М. Павлова. СПб., 2012.
- Стриннгольм А.* Походы викингов. СПб., 2003.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903.
- Толочко О. П.* Де було написано Густинський літопис? // Історичний збірник: Історія, історіософія, джерелознавство. К., 1996.
- Толочко О. П.* Текстологічні спостереження над збірниками, що містять Густинський літопис (До питання про реконструкцію архетипу) // Український археографічний щорічник. Вип. ¾. 1999.
- Тютчев Ф. И.* Русская география // *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Том первый: Стихотворения 1813–1849. М., 2002.
- Фричьоф.* Скандинавский витязь. Поэма Тегнера (Перевод Я. К. Грота) // Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. Т. 1. СПб., 1898.
- Чернов А.* Олег и его щит // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012.
- Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988.

Сведения об авторе

Рычка Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев (Украина). Область научных интересов: История Кевской Руси, история церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси

E-mail: wolr@ukr.net

V. M. Rychka

“OLEG'S SHIELD”

Annotation: The article is devoted to the campaign of the Prophetic prince Oleg to Constantinople and the controversial issue of the “Oleg’s Shield”. The author comes to the conclusion that the campaign was peaceful, and the shield hung by the prince on the gates of the city symbolized Oleg's readiness to defend Constantinople together with its inhabitants. The author analyzes Russian and Ukrainian late medieval sources, in which this campaign is depicted as a military and victorious for Russia; the mention by the Polish chronicler M. Strykowski of the image on the Galata gate of Constantinople reminding the Moscow coat of arms; Russian literature of Modern times, in which Oleg's campaign is also presented as a military campaign and the shield on the gate of the defeated foreign capital is a symbol of the victory of Russia. The author shows how such ideas about Oleg's campaign and his shield on the gates of Constantinople during the Russian Empire served as the basis for the need for Russia to acquire Constantinople.

Keywords: Oleg the Prophetic, Constantinople, Oleg's campaign to Constantinople, Gustynskaya chronicle, Maciej Strykowski, A. S. Pushkin.

References

Sources:

Protestatsiya mitropolita Iova Boretskogo i drugikh zapadnorusskikh ierarkhov, sostavlennaya 28 aprelya 1621 g. [The protest of Metropolitan Job Boretsky and other Western Russian hierarchs, compiled on April 28, 1621]. Stat'i po slavyanovedeniyu. Vol. 3. St. Petersburg, 1910. (In Russian)

PSRL. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 1962. (In Russian)

PSRL. Vol. 40. Gustynskaya letopis'. St. Petersburg, 2003. (In Russian)

Saga o Frit'ofe Smelom [The Saga about Fridtjof the Brave]. Trudy Ya. K. Grota iz skandinavskogo i finskogo mira. Ocherki i perevody. St. Petersburg, 1898. (In Russian).

Sinopsis. Kiev, 1681. Facsimile mit einer Einleitung von H. Rothe. Köln–Wien, 1983. (In Russian)

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wsystkiej Rusi. Cz. III. Warszawa, 1846. (In Polish)

The Hustynja Chronicle. Compiled with an Introduction by Oleksiy Tolochko (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. XI). Harvard, 2013. (In Russian)

The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis. Edited and Collated Donald Ostrowski, with David J. Birnbaum and Horace G. Lunt. Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. Part 1. 2003. (In Russian).

Researches:

Aksakov K. S. Oleg pod Konstantinopolem, dramaticheskaya parodiya, s epilogom, v 3-h deistviyakh, v stikhakh [Oleg near Constantinople, a dramatic parody, with an epilogue, in 3 acts, in verse]. Soch. K. S. Aksakova. St. Petersburg, 1853 (In Russian)

Aksakov K. S. Vospominaniya studentstva 1832–1835 godov [Memoirs of students of 1832–1835]. St. Petersburg, 1911. (In Russian)

Gavrilova L. M. Russkaya istoricheskaya mysl' i medal'ernoie iskusstvo v epokhu Ekateriny II [Russian historical thought and medal art in the era of Catherine II]. St. Petersburg, 2000. (In Russian)

Grushevs'kii M. S. Istoriya Ukraïni-Rusi: V 11 t. 12 kn. [History of Ukraine-Rus: in 11 vol. and 12 books]. Reprint ed. Vol. 7: Kozac'ki chasi do roku 1625. Kyiv, 1995. (In Ukrainian)

Danilevskii I. N. Mog li Kiev byt' Novym Ierusalimom? [Could Kiev be the New Jerusalem?]. Odissei: Chelovek v istorii, 1998. Moscow, 1999. (In Russian)

Danilevskii I. N. Povest' vremennykh let: Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov [The Tale of Bygone Years: Hermeneutical foundations for the study of Chronicle texts]. Moscow, 2004. (In Russian)

Karamzin N. M. O sluchayah i kharakterakh v rossiiskoi istorii, kotorye mogut byt' predmetom khudozhestv. Pis'mo k gospodinu NN [About cases and characters in Russian history that can be the subject of art. A letter to Mr. NN]. Karamzin N. M. Sochineniya: in 2 vol. Vol. 2. Kritika. Publitsistika. Glavy iz "Istorii Gosudarstva Rossiiskogo". Comp. by G. P. Makogonenko. Moscow, 1984. (In Russian)

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. 1. Moscow, 1989. (In Russian)

Kopystenskii Z. Palinodiya [Palinodiya]. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoyu aheograficheskoyu komissieyu. Vol. 4. St. Petersburg, 1878. (In Russian)

Le Goff J. Tsvivilizatsiya srednevekovogo Zapada: Per. s fr. [The Civilization of the Medieval West: Trans. from the French]. Ed. by Yu. L. Bessmertnyi; Afterword by A. Ya. Gurevich. Moscow, 1992. (In Russian)

Lermontov M. Yu. Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh [Collected works in four volumes]. Izd. vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. Vol. 2. Leningrad, 1980. (In Russian)

Likhachev D. S. Kommentarii. Povest' vremennykh let. Podg. teksta, perevod, stat'i i kommentarii D. S. Likhacheva [Comments. The Tale of Bygone years. Text preparation, translation, articles, and

comments by D. S. Likhacev]. Ed. by V. P. Adrianova-Peretts. 3rd ed., prep. by M. B. Sverdlov. St. Petersburg, 2007. (In Russian)

Magner G. I. Shchit Olega na vorotakh Konstantinopolya [Oleg's shield on the gates of Constantinople]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya. Iss. 2. Izhevsk, 2009. (In Russian)

Nikitin A. L. Osnovaniya russkoi istorii: Mifologemy i fakty [The Foundations of Russian History: Mythologems and Facts]. Moscow, 2001. (In Russian)

Nikitina S. E. Ob ume i razume (na materiale russkikh narodno-poeticheskikh tekstov). Slavyanskije etyudy [About the mind and reason (based on the material of Russian folk poetic texts)]. Sb. nauchnykh statei k yubileyu S. M. Tolstoj. Moscow, 1999. (In Russian)

Plyukhanova M. Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva [Plots and symbols of the Moscow Kingdom]. St. Petersburg, 1995. (In Russian)

Polnoe sobranie istoricheskikh svedenii o vsekh v drevnosti i nyne sushchestvuyushchikh monastyryakh i primechatel'nykh tserkvakh v Rossii. Sostavleno iz dostovernnykh istochnikov Aleksandrom Ratshinyam [A complete collection of historical information about all ancient and now existing monasteries and notable churches in Russia. Compiled from reliable sources by Alexander Ratshin]. Moscow, 1852. (In Russian)

Popov A. Izbornik statei, vnesennykh v khronografy russkoi redaktsii [Collection of articles included in the chronographs of the Russian edition.]. Moscow, 1869. (In Russian)

Pchelov E. V. Oleg Veshchii. Velikii viking Rusi [Oleg Prophetic. The Great Viking of Rus]. Moscow, 2018. (In Russian)

Richka V. "Kiïv – Drugij Ćrusalim" (z istorii politichnoï dumki ta ideologii seredn'ovichnoï Rusi) ["Kiev – the second Jerusalem" (from the history of political thought and ideology of medieval Russia)]. Kyiv, 2005. (In Ukrainian)

Romenskii A. A. Pokhod Olega na Konstantinopol': prichiny, khod sobytii, khronologiya [Oleg's campaign to Constantinople: reasons, course of events, chronology] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 3 (69). Moscow, 2017. (In Russian)

Ryleev K. F. Dumy [Thoughts]. Ed. Prepared by L. G. Frizman. Moscow, 1975. (In Russian)

Sverdlov M. B. Dopolneniya. Povest' vremennykh let. Podg. teksta, perevod, stat'i i kommentarii D. S. Likhacheva [Additions. The Tale of Bygone years. Text preparation, translation, articles, and comments by D. S. Likhacev]. Ed. by V. P. Adrianova-Peretts. 3rd ed., prep. by M. B. Sverdlov. St. Petersburg, 2007. (In Russian)

Smirnov V. P. Opisanie russkikh medalei [Description of Russian medals]. St. Petersburg, 1908. (In Russian)

Sokolova I. M. Monomakhov tron. Tsarskoe mesto Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya [Monomakh throne. The Royal place of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin]. Moscow, 2001. (In Russian)

Sologub F. Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem v trekh tomakh. Tom pervyi: Stikhotvoreniya i poemy 1877–1892 [The complete collection of poems and poems in three volumes. Volume one: Poems and Poems 1877–1892]. Ed. prep. by M. M. Pavlova. St. Petersburg, 2012. (In Russian)

Strinnholm A. Pokhody vikingov [Viking Campaigns]. St. Petersburg, 2003. (In Russian)

Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the Dictionary of the Old Russian language]. Vol. 3. St. Petersburg, 1903. (In Russian)

Tolochko O. P. De bulo napisano Gustins'kij litopis? [Where was the Gustinsky chronicle written?] // Istorichnij zbirnik: Istoriya, istoriosofiya, dzhereloznavstvo. Kyiv, 1996. (In Ukrainian)

Tolochko O. P. Tekstologichni sposterezhennya nad zbirnikami, shcho mistyat' Gustins'kij litopis (Do pitannya pro rekonstrukciyu arhetipu) [Textological observations on collections containing the Gustinsky Chronicle (on the question of archetype reconstruction)] // Ukraïns'kij arheografichnij shchorichnik. Vip. ¾. 1999. (In Ukrainian)

Tyutchev F. I. Russkaya geografiya [Russian geography] // Tyutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma v shesti tomakh. Tom pervyi: Stikhotvoreniya 1813–1849. Moscow, 2002. (In Russian).

Frit'of. Skandinavskii vityaz'. Poema Tegnera Predvaritel'nye svedeniya (ocherk byta, religii i poezii drevnikh skandinavov) [Fridtjof. The Scandinavian knight. Tegner's Poem liminary information (an essay on the life, religion and poetry of the ancient Scandinavians)] // Trudy Ya. K. Grota iz skandinavskogo i finskogo mira. Ocherki i perevody. Vol. 1. St. Petersburg, 1898. (In Russian).

Chernov A. Oleg i ego shchit [Oleg and his shield] // Staroladozhskii sbornik. Iss. 9. St. Petersburg, 2012. (In Russian).

Yazykov N. M. Stikhotvoreniya i poemyy [Verses and poems]. Leningrad, 1988. (In Russian).

About the author

Rychka Vladimir M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev (Ukraine). Research interests: History of Kevskaya Rus, history of the church and church-state relations in Kievan Rus.

E-mail: wolr@ukr.net